

О «скрещивании и мутации» различных типов вооружения населения Северо-Западного Предкавказья в VIII–XIV вв. н. э.

(Кочкаров У. Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус, 2008. 176 с.)

В кавказоведении давно назрела задача написания большой обобщающей работы по проблемам вооружения средневекового населения региона. Когда вышла книга У. Ю. Кочкарова, первой мыслью было, что такое исследование, наконец, появилось. К сожалению, все оказалось несколько иначе.

В главе I, посвященной историографическому обзору литературы, почему-то не упомянуто исследование А. В. Крыганова, рассмотревшего структуру войска и вооружение носителей кремационного обряда населения Северского Донца (Крыганов 1989). Этническая связь этой группы донских кремаций с трупосожжениями Северо-Западного Кавказа хазарского времени давно обоснована в научной литературе (Пьянков, Тарабанов 1998). При этом автор, безусловно, знает об этой работе А. В. Крыганова (с. 94), как и о статье А. В. Евглевского и Т. М. Потемкиной, посвященной исследованию сабель VIII–XIV вв. (Евглевский, Потемкина 2000), и о статье Е. И. Нарожного и Д. Ю. Чахкиева об ударном и защитном вооружении населения Северного Кавказа (Нарожный, Чахкиев 2003). Они упоминаются в тексте и в списке литературы, но при этом не вошли в обзор литературы, представленный в первой главе.

Глава II посвящена саблям. Впечатляет число «просмотренных» сабель — более 300 экземпляров. Правда, для анализа было использовано только только 152 экземпляра, или 50%¹ (с. 23). Автором монографии все сабельные клинки (длина черена не учитывалась) были разделены по длине на три группы: от 57 до 80 см, от 80 до 100 и от 100 до 125 см (с. 25). Однако метрические параметры, приводимые для трех выделенных автором групп сабельных клинков, неточны и противоречивы. Если по тексту минимальная длина клинка была равна 57 см, то в Приложении 1 приведены клинки из могильника Дюрсо длиной 52,5 см, 53 см, 55,6 см, 56 см и т. д. (№ 15, 16, 20, 21). Но суть в том, что длины клинков в 52–57 см у сабель в кремациях Северо-Западного Кавказа не могло существовать. Это видно из сравнения размеров сабель из Дюрсо и других синхронных трупосожжений (Казазово 2, Молдаванский), приведенных в том же Приложении. Ниже, описывая клинки из кремаций, У. Ю. Кочкаров, противоречит сам себе, указывая их минимальную длину уже от 61 до 80 см (с. 37)². Существенные неточности были выявлены в размерах других сабель, приведенных автором

¹ Сабли, хранящиеся в фондах КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, не были «просмотрены» У. Ю. Кочкаровым, что называется, «вживую». Он использовал информацию об их размерах, имеющуюся в отчетах и, возможно, публикациях.

² Ошибки возникли либо из-за того, что У. Ю. Кочкаров измерял клинки без учета деформации сабельных полос, либо не разобрался в масштабах в просмотренных им отчетах. Если клинки были обломаны на конце, то это следовало учитывать и отразить в таблице и в тексте.

в Приложении 1. Вот лишь несколько примеров. К I типу были отнесены первые по списку 12 сабель. В тексте читаем, что критериями выделения сабель этого типа являются следующие признаки: «**Прямые клинки**, длина которых колеблется от **57 до 80 см** (1–12), ширина полосы клинка от 2,6 **до 4,5 см**, **кривизна полосы не превышает 1 см...**» (с. 26). В Приложении 1 под № 11 приводится сабля из погребения 2 кургана 29 хутора Чапаевский. Длина ее клинка (черен утрачен) составляет 88,7 см (!), это почти на 10 см больше верхнего критерия, по которому У. Ю. Кочкаров относит ее к I типу. Кроме того, только эта сабля имеет ширину клинка в 4,5 см, все остальные — не более 3 см. Определение верхнего предела ширины клинка по единственному экземпляру представляется неоправданным, тем более что рассматриваемая сабля относится к совершенно другой эпохе. Не реальна и минимальная длина клинка в 57 см в I типе. Такую же картину в отношении максимальной величины ширины клинка можно видеть и в выделенном автором II типе (с. 26, Приложение 1, № 22). Далее, например, метрические параметры (длина клинка, обоюдоострого острия, изгиб) сабли-оригинала из погребения 25 Молдаванского могильника абсолютно не совпадают с теми данными, что привел У. Ю. Кочкаров в таблице (Приложение 1, № 4). Толщину клинка автор не отметил вовсе³. Эта сабля по действительным размерам не может относиться к выделенному им типу I. У другого экземпляра из погребения 75 могильника Черноклен длина клинка вовсе не указана, но зато сообщается, что он «прямой» (Приложение 1, № 10). На самом деле его длина превышает 80 см и он имеет небольшой изгиб и потому не может относиться к прямым (Приложение 1, № 8, 10). Противоречие и в том, что определение «прямые клинки» никак не вяжется с наличием у них кривизны «до 1 см»⁴. Кроме того, сабли под номерами 6, 10 и 11 происходят из погребений совершенно другого времени, нежели остальные экземпляры выделенного автором I типа. Смещение в одной группе (I тип) сабель разного времени, начиная от хазарского и заканчивая золотоордынским периодом, абсолютно необоснованно.

То же самое касается и II типа (Приложение 1, № 13–38). Автор приводит следующие критерии для его выделения: «Слабоизогнутые клинки, длина которых **не превышает 80 см**, ширина **от 2,2 до 4,8 см**» (с. 26). При этом кривизна подтипа А варьирует от 1 до 2 см, а подтипа Б от 2,1 до 3 см (с. 26). В подтип А под № 19 помещена сабля из погребения 42 могильника Черноклен, длина клинка которой якобы равна всего 60 см (с. 112), но на самом деле она составляет более 100 см⁵. Подобное несоответствие можно отметить и в отношении сабли из погребения 78 того же могильника. Согласно таблице длина ее клинка 64 см, а по результатам моих измерений, снятых с оригинала, она составляла более 100 см. Изгиб этого клинка в полтора раза больше указанного

³ На самом деле она составляет 0,7 см. Разночтения в метрических данных по этой сабле свидетельствует о том, что У. Ю. Кочкаров пользовался только информацией, приведенной в отчете В. А. Тарабанова.

⁴ Кроме того, сабли из могильника Колосовка-1 (Приложение 1, № 1–3) у У. Ю. Кочкарова имеют кривизну клинка «0 см», между тем как сабли под номерами 6–11 обозначены им как «прямые». Во-первых, непонятно, чем отличаются эти два обозначения между собой. Во-вторых, сабли из могильника Колосовка-1 (курган 2) все же имеют небольшую кривизну (их оригиналы были измерены мной в 2010 году).

⁵ При не полностью сохранившихся черене и острие. Размеры сняты мной с оригинала.

У. Ю. Кочкаровым. Что касается подтипа Б, то, например, параметры сабли из погребения 59 могильника Черноклен не соответствуют длине и изгибу клинка, указанным в таблице (Приложение № 1, № 36)⁶. Происходящая из погребения 46 могильника Черноклен сабля имеет длину клинка значительно более 80 см, а не 59 см, как указывает автор (Приложение 1, № 38). Этот факт противоречит ее включению в тип II.

Те же неточности обнаруживаются при описании сабель, отнесенных автором к типу VII (Приложение 1, № 88–95). Величина изгиба нескольких сабель из Цемдолинского могильника (№ 88, 90, 93) не соответствует опубликованным данным (Армарчук и др. 1997: Табл. II). Они не попадают в VII тип, где максимальная кривизна клинков доходит только до 3 см (с. 27). Некоторые сабли оказались не в тех группах, в которых должны были находиться, как, например, согнутая сабля из погребения 68 Псекупского могильника 1, которая у У. Ю. Кочкарова фигурирует в разделе недеформированных клинков (Приложение 1, № 18). Разнятся размеры и в специально выделенной автором группе «Сломанные и согнутые сабли». Например, общая длина сабли из погребения 5 могильника Андреевская щель у У. Ю. Кочкарова указана 75 см (Приложение 1, № 114), тогда как согласно публикации автора раскопок общая длина сабли 71 см (Новичихин 2008: 32). Существенно расходятся данные У. Ю. Кочкарова с реальностью и при характеристике размеров других клинков этой группы (сабля из погребения 69 могильника Казазово 2 и др.). Этот перечень несоответствий можно было бы продолжить, но приведенных примеров достаточно, чтобы прийти к выводу, что опубликованным У. Ю. Кочкаровым метрическим данным доверять нельзя.

Приведенная У. Ю. Кочкаровым «типология» сабельных перекрестий, вопреки его мнению, не дает «более ясную картину их трансформации во времени» (с. 31). Выделенные типы сабельных клинков, их перекрестий и деталей ножен не привязаны к хронологии.

Описывая скобы с петлями от ножен, У. Ю. Кочкаров утверждает, что «ножны могли быть оснащены и **одной петлей**» (с. 33), с помощью которой, видимо, всего за один ремешок ее подвешивали к поясу. Вероятно, автор смутно представляет себе способ ношения сабли и конструктивные особенности ножен. Об этом же свидетельствует и следующий текст: «Ножны сабель, подобно ножнам мечей, изготавливались из двух тонких отесанных дощечек: сначала они обтягивались полотном, а потом кожей. Затем на эту основу надевались железные, в очень редких случаях, бронзовые (табл. XVII, 1) наконечники, достигавшие в длину до 35–40 см (табл. XVII, 2) и предохранявшие разрезание ножен изогнутым клинком» (с. 33). Непонятно, каким именно «полотном» обтягивались деревянные ножны, и как наконечник ножен, который служил для другой цели — надежного скрепления тех самых двух деревянных «тонких отесанных дощечек» — мог предохранять «разрезание» клинком деревянных ножен изнутри, если он насаживался снаружи?!

⁶ Длина клинка с не полностью сохранившимся острием (при полностью обломанном черене) составляет 79 см, а изгиб 1,2 см. Данные сняты мною с оригинала. И если изгиб еще мог достигать 2 см, при учете утраченного острия, то длина клинка, в этом случае, будет значительно больше, чем «до 80 см».

Метрические параметры, по которым автор выделил восемь групп сабель, не соответствуют тому хронологическому диапазону, к которому они им отнесены (с. 34–36). На фоне широких датировок от 150–200 до 400 лет для каждой из восьми выделенных групп сабель удивляет точное определение одной из них, отнесенной к 1340 г. без каких-либо обоснований и аргументации в тексте (Приложение 1, № 72). Кроме того, большое количество сабель в Приложении 1 дано почему-то вовсе без датировки (№ 6, 10, 11, 19, 22–25, 29, 30, 32, 36–38, 40, 41, 47–50, 54, 60, 73, 78, 79, 87, 95, 98, 99, 115, 126, 128, 129, 136–138, 150, 151). Выводы У. Ю. Кочкарова в отношении метрических параметров сабель и времени выделенных им типов на страницах 38–39 изобилуют неточностями.

В Главе III, посвященной наконечникам копий, на страницах 49–56 во II типе автором выделяются несколько подтипов, которые, на самом деле относятся к абсолютно разным не то что типам, но даже видам древкового оружия. Например, лопастные наконечники копий (подтип В по У. Ю. Кочкарову) отнесены им ко II типу вместе с наконечниками пик (табл. XXII; XXIII, 15, 16; XIV и др.). То же самое можно сказать и о подтипе Г (табл. XXIII, 17–20). Кроме того, автор активно использует случайные непаспортизированные находки из музейных собраний, которые публикуются без указания каких-либо шифров или ссылок на отчеты и публикации (Приложение 2: № 4, 6, 8, 16, 27 и т.д.), что не позволяет проверить приводимые данные.

В Главе IV, посвященной топорам, на с. 63 читаем: «К несомненным преимуществам воинских топоров относится их универсальность: топоры могут использоваться в бою, как против легковооруженного врага, так и против противника в тяжелом защитном вооружении». Практически любой вид наступательного вооружения средневекового населения Северо-Западного Предкавказья, в частности, носителей кремационного обряда, был приспособлен для поражения противника как в защитном вооружении, так и без него. Автору следовало бы пояснить, в чем именно и по сравнению с какими видами оружия топор имел такие «несомненные преимущества» и «универсальность».

«Погребения Северо-Западного Предкавказья, совершенные по обряду кремации, на протяжении длительного периода VIII–XIV вв. устойчиво отличаются относительной многочисленностью боевых топоров» (с. 64). Материалы кремаций X–XIII вв. как раз не «отличаются относительной многочисленностью боевых топоров», а в большинстве могильников они вовсе отсутствуют (Дитлер 1961; Носкова 1999; Пьянков 1993, 2000 и др.). Кремаций XIV века, разве что за исключением начала столетия, на Северо-Западном Кавказе неизвестно (Пьянков 2001: 205). Как и в случае с наконечниками копий, в Приложении 3, где перечислены находки топоров, подъемный материал описывается без ссылок на места хранения, отчеты и литературу (№ 2, 7, 8, 17 и т.д.).

Коснемся некоторых выводов автора. В конце главы II на с. 42 в первом абзаце автор делает «серьезное открытие», касающееся расселения носителей кремации исключительно в Западном Закубанье. Немного далее делает еще одно: «В конце X в. обряд кремации исчезает, и большая часть погребальных памятников XI — XII вв. представлена могильниками с обрядом ингумации типа Черноктен, Циплиевский кут. А в конце XII — начале XIII вв. здесь появляются памятники, в большинстве которых погребения опять совершены по обряду кремации, но в отличие от погребений VIII–X вв., они совершены

под курганными насыпями». И далее У. Ю. Кочкаров приходит к заключению: «В XIV в. обряд кремации на изучаемой территории в очередной раз исчезает» (с. 42). Непонятно, с каких пор такие биритуальные могильники, как Циплиевский и Черноклен, стали исключительно «ингумационными»? Почему и куда исчезает обряд кремирования умерших в конце X в.? Как в этом случае следует интерпретировать могильники Колосовка-1, Ленинохавльский, отдельные погребения Псекупского могильника № 4, биритуальный некрополь Андреевская щель и целый ряд других памятников?!

Впрочем, некоторые из них упоминаются далее, как, например, могильник Колосовка в главе III, посвященной наконечникам копий. Однако пики из упомянутого некрополя автор отнес почему-то к VIII–IX вв., поставив их в один ряд с материалами из Казазово (видимо, Казазово 2) и Ново-Вочепшийского могильника (с. 53)⁷. Между тем, автором раскопок П. А. Дитлером этот некрополь был датирован X–XI вв. (Дитлер 1961: 164). Хронология этих и других подобных памятников в пределах X–XI вв. уточнялась, но никем обоснованно не опровергалась

Далее автор делает еще одно «открытие»: он выделяет на Северо-Западном Кавказе две группы кремаций хазарского времени. При этом «одна группа расположена в районе современного Краснодара, в районе водохранилища, вторая — в районе современного Новороссийска, и только один могильник Молдавановский немного отстоит от Новороссийской группы». И далее: «пока приходится констатировать существование двух групп кремационных памятников» (с. 61, 62). Эта же мысль повторяется в заключении к IV главе, посвященной топорам (с. 74). Очевидно, У. Ю. Кочкаров не знает о таких памятниках второй половины VIII–IX вв., как Общественный II, хут. Хабль, и ряде других, расположенных между выделенными им группами.

С хронологией памятников автор вообще обходится достаточно вольно. Так, на с. 88 он пишет: «В X–XIII вв. появляются могильники типа Черноклен, потом Циплиевский кут». Оба могильника автором раскопок (А. В. Пьянковым) датируются не ранее конца XI в., поэтому в X в. и даже в первой половине — середине XI в. они никак не могли появиться. Если У. Ю. Кочкаров имеет иное мнение, оно должно быть аргументировано. Странно выглядит и другая фраза на этой же странице: «В XII–XIII вв. в Прикубанье появляются половцы». Подчеркнутая самим У. Ю. Кочкаровым мобильность кочевников (например, на с. 39), никак не вяжется с двухсотлетним передвижением половцев в Прикубанье.

Остановимся на датировке погребения 2 кургана 1 Дмитриевская-I-82. У. Ю. Кочкаров неоднократно упоминает его в своей работе, правда, не акцентируя внимания на том, какое именно из трех погребений этого кургана он имеет в виду. Но самое главное, автор ссылается только на свою публикацию этого комплекса (Кочкаров 2004) и приведенную там датировку: конец XII — первая треть XIII вв. (с. 46–47, 61, рис. 2, 18, 86–87), которую он считает, по-видимому, единственно верной. Вероятно, по этой причине У. Ю. Кочкаров проигнорировал мнение В. Г. Блохина, А. Н. Дьяченко и А. С. Скрипкина, допускавших и золотоордынское время захоронения воина (Блохин и др. 2003: 197,

⁷ Можно было бы предположить, что это опечатка, если бы не упорное стремление автора датировать могильник Колосовка-1 именно хазарским временем и в других местах своей книги (с. 30, 54; Приложение 1, № 1–3; Табл. XVI, тип I, подтип А).

198)⁸, а также работу М. В. Горелика, датировавшего комплекс исключительно золотоордынским временем (Горелик 2004: 295). Безусловно, любой исследователь имеет право на свое мнение, но игнорирование иной точки зрения, на мой взгляд, лучше аргументированной, ставит под сомнение объективность подхода У. Ю. Кочкарова к проблеме.

На с. 90 встречаем загадочную фразу: «Ну и, конечно же, они (население, оставившее кремации. — Р. С.) нужны были здесь (на границе Хазарии, в Закубанье. — Р. С.) для подавления местного населения». Зачем, каким образом и какое конкретно местное население «подавляли» безымянные носители кремаций? Это У. Ю. Кочкаров оставил без объяснения⁹.

В заключение остановимся на некоторых мелких погрешностях.

В самом начале III главы, посвященной наконецникам копий, автор пишет: «История развития копия — это история трансформаций, **скрещивания и мутаций** всевозможных типов наконецников» (с. 43). Здесь возникает вопрос: насколько правомерно применять к неодушевленным металлическим предметам биологические понятия. Сложно представить скрещивающиеся наконецники копий, еще сложнее — наконецники-мутанты.

В Приложении 1, в графе «Дата», века иногда заключены в скобки, иногда нет. В Приложении 2 следовало бы писать не «Длина копия», а «Длина наконецника копия».

В списке Архивных материалов (с. 103, 104) не указан целый ряд авторов, на отчеты которых У. Ю. Кочкаров ссылается в Приложении 1 (И. И. Марченко, Н. Ф. Шевченко, А. Н. Гей, В. А. Дмитриев (1974, 1998 гг.), Н. Ю. Лимберис, В. С. Бочкарев, А. А. Малышев, А. Н. Дьяченко, А. А. Нехаев, А. С. Скрипкин и другие). В Приложениях 2 и 3 ссылки на использованные автором отчеты отсутствуют вовсе. В Приложении 4, в последнем столбике, озаглавленном как «Автор и год раскопок», при описании кинжала из могильника Дюрсо дана ссылка на статью В. А. Дмитриева 2003 года, тогда как этот могильник раскапывался в середине 1970-х гг.

Хотелось бы предостеречь исследователей, которые захотят использовать метрические данные, приводимые в тексте и таблицах рецензируемой книги. Этого делать не стоит, особенно в части, касающейся сабель. По крайней мере, около полусотни экземпляров этого оружия имеют на самом деле иные, нежели указывает У. Ю. Кочкаров, размеры. Уже этого достаточно, чтобы заподозрить, что, скорее всего, и метрические параметры остальных сабель или какой-то их части также не соответствуют реальным размерам. По ходу знакомства с текстом книги у рецензента крепло впечатление, что ее автор весьма слабо представляет себе то, чем он решил заняться. Вероятно, автор, выражаясь его же словами, занимался, прежде всего, «скрещиванием и мутацией» материала, со-

⁸ Авторы соотносят это погребение с половецкими памятниками XII — первой половины XIV вв.

⁹ При этом вся концовка Заключения книги изобилует такими же невнятными общими определениями носителей кремаций: «**эти** хорошо вооруженные отряды», «**их** воинственности», «кузнецы **этого** воинственного народа» и т. д. Это может свидетельствовать о том, что автор не знает работ, в которых носителей кремаций хазарского времени связывают с касогами письменных источников (Панеш 1996: 70; Новичихин 2000: 92; Пьянков 2001: 205 и т. д.).

бранного им в отчетах и в публикациях, объединив вооружение разных типов, видов, времени и народов в отдельные произвольно выделенные им группы.

Автор книги, к сожалению, слабо знаком с источниками по вооружению населения Северо-Западного Кавказа в эпоху Средневековья, равно как и по другим вопросам, затронутым им в рецензируемом исследовании. Это досадно вдвойне, поскольку книга является первым изданием, где предпринята попытка свести информацию о значительном количестве предметов наступательного вооружения VIII–XIV вв.

Литература

- Армарчук Е. А., Малышев А. А.* 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 3.
- Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С.* 2003. Средневековые рыцари Кубани // МИАК 3, 184–208.
- Горелик М. В.* 2004. Адыги в Южном Поднепровье (2-я половина XIII — 1-я половина XIV в.) // МИАК 3, 293–300.
- Дитлер П. А.* 1961. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 127–187.
- Дмитриев А. В.* 2003. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX вв. // Макарова Т. И., Плетнева С. А. (ред.). Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII века.). М.: Наука, 200–206, 246–259.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М.* 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк: Донецкий национальный университет, 117–179.
- Кочкаров У. Ю.* 2004. Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА 217, 94–107.
- Крыганов А. В.* 1989. Вооружение и войско населения Салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом кремации) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 98–114.
- Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю.* 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // МИАК 2, 126–153.
- Новичихин А. М.* 2008. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская Щель // Военная Археология 1, 135–141.
- Носкова Л. М.* 1999. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинохабль в Адыгее // Носкова Л. М., Мкртычев Т. К. (ред.). Материальная культура Востока. М.: Спутник, 191–225.
- Панеш Э. Х.* 1996. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб.: Европейский дом.
- Пьянков А. В.* 1993. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья (Studia Pontocausica 1). Краснодар, 123–139.
- Пьянков А. В.* 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский в Закубанье: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея 3, 12–25.
- Пьянков А. В.* 2001. Касаги — казахи — кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК 1, 198–213.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* 1998. Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани 13, 18–32.